

становился слишком неудобным. Он вызывал публичные манифестации. Он врывался в двери военного совета, чтобы выразить Гарибальди народную волю. «Народ волнуется!» — кричал он, просовывая в полуотворенную дверь свое большое, доброе, взволнованное лицо. На что командир тысячи отвечал резко: «Пусть волнуется!», иными словами: «Идите к дьяволу!».

Впрочем, — размышляет Блез де Бюри, — разве в настоящее время не все романтические писатели лезут в общественные дела и, надо признаться, без особенного блеска...

...Кто-то назвал его человеком XVI столетия. В этом определении есть своеобразная меткость. Александр Дюма совсем не укладывается в созданные ему обычные рамки. Он скорее был сродни просвещенным кондотьерам времени Возрождения.

XIX

Дюма писал много и очень скоро. Первую книжку романа «Кавалер Красного Замка» он написал на пари в пятьсот восемь часов, включая сюда еду, питье и отдых, в общем около трех печатных листов. Пьеса «Наполеон Бонапарт» в 8-ми действиях и 24-х картинах, содержащая в общей сложности 900 строк, была им, по настоянию директора театра «Одеон» г. Ареля, написана всего за 8 дней. Часто увлеченный работою, он целый день не выходил из кабинета. Тогда завтрак и обед ему накрывали на маленьком передвижном столике, возле письменного стола, но нередко уносили их нетронутыми. Писал он без помарок, строгими линиями, чистым, ясным и красивым почерком.

Слог его быстр, легок, изворотлив и подвижен. Повсюду Дюма отдает предпочтение живому диалогу с короткими вопросами и ответами. Побочным обстоятельствам и второстепенным сведениям о своих героях он не дает много места, предпочитая выяснять их двумя-тремя <фразами> в разговоре. У него есть промахи, вроде грубостей, повторений, тусклых мест, сделанных без подъема, неловких переходов и т. д. Но всматриваться тщательно в его стиль так же бесполезно и ненужно, как разглядывать вблизи театральные декорации, которые кажутся крикливой мазней на расстоянии аршина и образуют волшебную картину с другого конца зрительного зала.

Он писал свободным тоном, без затруднений, не углубляясь, довольствуясь беглым чтением, в путешествии одним впечатлением, что не мешает, когда он не спешит, знать и тонкость своего ремесла и говорить о стиле других авторов с глубоким пониманием...

XX

Строгий Брандес так говорит о Дюма: «Он наполнял сцену, газеты и книжные лавки своими произведениями. Печатные машины кряхтели и стонали, чтобы только угнаться за его быстрым пером. Следует только жалеть о том, что мальчишеское легкомыслие помешало ему пройти хорошую школу».

А Пелисье важно замечает:

«Если бы Дюма не разбрасывал так щедро своих богатых сил, он достиг бы звания одного из величайших писателей своего века».

Но мы скромно думаем, что если бы какая-нибудь школа и сумела наложить узду на буйное творчество Дюма, то она только изуродовала бы его прекрасный талант. Что же касается до глубокомысленного мнения Пелисье, то мы хотели бы спросить: где же, наконец, в писательской иерархии эти пограничные мысли, отделяющие великодушного от великого, великого от талантливого и талантливого писателя от того, которого просто приятно почитать на ночь? Кто берет на себя смелость учреждать эту шкалу ненужного местничества? И кто посмеет упрекнуть человека, если он чисто-сердечно признается, что Эдгар Поэ, Киплинг и Мопассан ему ближе и понятнее, чем Гомер, Гете и Данте?

Дюма иногда говорил: «Я насилю историю». И правда, ему случалось бесцеремонно обращаться с историческими фактами, пригоняя их к развивающемуся плану романа. Но он никогда не искажал духа истории и не отступал от правды в изображении исторических лиц. Его Карл IX, Генрих III, Людовик XIII, Людовик XIV, Людовик XV, Людовик XVI, Катерина Медичи, Анна Австрийская, Мария Антуанетта, Ришелье и Мазарини, не только верны истории, но каким-то чудом, истинно гениальным проникновением их образы угаданы и закреплены еще глубже, еще живее и человечнее, чем доступно сухой науке, и никакой учебник не запечатлеет их так резко в памяти, как его романы. Дамы XVI столетия действительно имели жестокое и противное для нас обыкнове-